

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ШУМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ ГА РФ И ДНЕВНИКОВ А.Л. ДЕХТЕРЕВА). СОХРАНЕНИЕ «РУССКОСТИ» ДЕТЕЙ В ИЗГНАНИИ

Послереволюционная эмиграция, русская школа за рубежом, Болгария, г. Шумен, повседневная жизнь гимназии, сохранение национальной идентичности, воспитание, образование, русские и болгары в межкультурном взаимодействии.

После трёх лет гражданской войны и эвакуации из Крыма подранки («подстарки»¹ – так З. Гиппиус называла состарившееся раньше времени молодое поколение эмигрантов) оказались в Константинополе, где поступили в уникальное учебное заведение – Константинопольскую Русскую гимназию, которая в 1922 г. из Константинополя была передислоцирована в болгарский город Шумен. Уникальность этой гимназии заключалась главным образом в том, что в ней одновременно обучалось два поколения людей: четырёхнадцати-пятнадцатилетние, а рядом – русские офицеры, прошедшие гражданскую войну².

Бывший шуменец, Вл. Семихат-Сосинский³, впоследствии вспоминал, что некоторые великовозрастные ученики гимназии утаивали свой возраст, скрывали, что брились. Прошедшие сквозь «огонь, воду и медные трубы», они стремились получить аттестат зрелости, дававший право поступления в специальные и даже высшие учебные заведения. Гимназия была восьмиклассной, однако, средний возраст учащихся в 1924 г. составлял 16,7 лет⁴. «Мы были настоящие бандиты», – вспоминает В. Семихат-Сосинский, – «и только благодаря опытности, такту и энергии Анатолия Аполлоновича Бейера⁵ – очень строгого, но и очень справедливого «немчурь»-директора, в Шуменской гимназии поддерживалась дисциплина и шли нормальные занятия и общественная жизнь»⁶. Выпускник гимназии 1923 года Г. Газданов⁷ отмечает высокий профессионализм педагога и человеческие качества директора гимназии А.А. Бейера, которому оказалось «по силам «вернуть культуре» этих бывших комendanтов, командиров и просто потерявшихся людей, которые давно забыли о книгах, учебниках и сочинениях по русской литературе»⁸.

Гимназии было предоставлено здание бывшей дивизионной больницы 1-ой Преславской дивизии в г. Шумене. Здание было ветхим: построенное турками ещё в 1837 г., оно требовало капитального ремонта, но на те небольшие

средства, которые отпускались на ремонт⁹, гимназия не в состоянии была отмонтировать здание. Полы проваливались, бывали случаи провала учеников повреждением ног. Крыши протекали. Во время дождя во многих помещениях лилась вода с потолков. С мокрых потолков отваливалась штукатурка¹⁰.

Средства на содержание гимназии поступали от Комиссии Г.Д. Цапетини¹¹, от Земгора и от проф. Уиттимора¹². Несмотря на смену правительств Болгарии (более радикального деятеля Стамболийского сменил «умеренный» А. Цанков), отношение к гимназии не менялось. Память выпускников сохранила внимательное отношение к нуждам гимназии представителей городского самоуправления, которые «всегда были готовы оказать директору возможную помощь, например, отвести участок леса в горах для отопления гимназии зимой»¹³.

Уровень подготовки в Шуменской гимназии был очень высоким: из 2 преподавателей гимназии 13 были с университетским образованием¹⁴.

Директором гимназии с 1922 до его отъезда в Латинскую Америку в 1924 г. был всеми любимый А.А. Бейер. Подобно большинству преподавателей гимназии, он был профессиональным военным, генералом артиллерии, участвовавшим в Добровольческой армии. Он никогда не прибежал ни к каким наказаниям, даже никогда не повышал голоса, но его авторитет был неоспорим. Он обладал удивительным педагогическим даром, «и у него не могло быть и мысли о плохих учениках. У него нельзя было не учиться – не только потому, что он делал свой предмет интересным (он преподавал физику), но ещё и оттого, что это было неловко по отношению к нему лично»¹⁵.

О тёплой семейной атмосфере, царившей в гимназии, свидетельствуют многочисленные письма выпускников, адресованные её преподавателям, отложившиеся в ГА РФ-е в фонде А.А. Бейера¹⁶.

Гимназия находилась за городом, это было учебное заведение закрытого типа, с неукоснительно соблюдавшимся распорядком дня и проживанием учащихся в интернатах¹⁷. При гимназии был женский и мужской интернат. Основная масса учащихся жила в интернатах гимназии, даже если родители жили в городе, поскольку зачастую бытовые условия жизни учащихся в их семьях складывались неблагоприятно для их морального и духовного развития. Педагоги русской школы считали, что условия интерната позволят лучше адаптировать детей к новой жизни и избежать денационализации. «Мы в России, мы без родины; дети – наша надежда, они должны остаться русскими» – такова, по мнению педагогов Русского Зарубежья, была главная задача воспитания детей на чужбине¹⁸. Постановка национально ориентированного воспитания и образования являлась первоочередной задачей педагогической деятельности русской эмиграции во имя сохранения в эмигрантских детях чувства принадлежности народу, которому они должны были служить по возвращении на родину¹⁹. Пережитые страдания не могли не отразиться в поведении подростков. Педагоги отмечали озлобленность, жестокость, недетскую

холодность и расчётливость старших учеников и замкнутость, задумчивость, скорбь и печаль, безразличие к своей участи, крайнюю нетребовательность и неизбалованность младших²⁰. Чрезмерный практицизм молодого поколения, материалистичность в понимании человеческих отношений, грубо утилитарная мотивация получения знаний, новые рационалистические ценности нанесли удар по религиозному сознанию, разрушали механизм транслирования традиции, ставили под удар целостность диаспоры.

Педагоги Русского Зарубежья признавали ведущую роль духовного развития в процессе становления личности. Православная вера и приверженность христианской этике рассматривались как источник духовно-ценностных ориентиров личности и компонент национального возрождения. Церковь была институтом, способствующим сохранению «русскости» в изгнании. Сначала посещение церкви было обязательным только для младших гимназистов и девочек, остальные могли ходить в церковь по желанию. Однако желающих было очень мало, поэтому было введено обязательное посещение церкви всеми учащимися, в надежде, что это станет потребностью. Дети, выросшие в эмиграции, находили глупым ходить в церковь, «где надо стоять, когда можно ходить в церковь, где можно сидеть»²¹, тем самым демонстрируя полное непонимание православия, постулирующего спасение через страдание. («Мук нестерпимый вовек не спасётся»).

Шуменская гимназия после упразднения греческого языка стала полуклассической гимназией, где изучались латынь, физика, история, законоведение, биология и анатомия (преподавал врач гимназии П.К. Дылёв²²), рисование, немецкий, французский, английский и ручной труд. С целью сохранения духовно-нравственного направления воспитательной работы и развития своей национальной культуры и национального самосознания приоритет в содержании среднего образования отдавался предметам России. Для адаптации учащихся к условиям страны проживания был введён болгарский язык. Экзамен по болгарскому языку на выпускном экзамене принимал сам министр (или зам. министра) просвещения Болгарии. Школьная система, проектированная для России Министерством Народного Просвещения гр. П.Н. Игнатьевым, действовала уже и в Болгарии, приобщив к среднему образованию болгарскую крестьянскую молодёжь. Однако, как отмечали русские педагоги, «сама постановка учебного дела в болгарских школах пока ещё далека от совершенства и не может представлять для нас много поучительного»²³. Плата за обучение составляла 120 левов ежемесячно. В 1925 г. от платы за обучение было освобождено 35% учащихся²⁴.

Русская школа в зарубежье строилась на основе трудового принципа. Умения и навыки, открывающие возможность для более широкого и лучшше оплачиваемого приложения физического труда, полученные в гимназии, были особенно необходимы в условиях эмигрантской жизни, создавая наиболее прочную, а нередко и единственную основу для обеспечения заработка.

Один из выпускников гимназии вспоминает «горькие, полные жгучей правды слова», сказанные преподавателем гимназии на выпускном акте, что по окончании гимназии их «ожидает грязь, мерзость, злоба людская, пошлость», однако, выразилась надежда, что «молодость и благие порывы, стремление к добру и истине сумеют побороть все эти невзгоды»²⁵. Выпускников готовили к предстоящим трудностям, к тому, что большинству из них придётся заниматься тяжёлым физическим трудом.

В Болгарии действовал закон, устанавливающий так называемые «трудные недели», когда все граждане, в том числе и учащиеся, привлекались к обязательному исполнению различных работ на пользу государства. В Шуменской школе все текущие потребности внутренней жизни в физическом труде обслуживались самими учащимися при самом небольшом содействии служащих гимназии.

В гимназии были открыты учебные мастерские – столярная, слесарная, переплётная, по лепке из глины, кроме того учащиеся работали в сапожной мастерской. Силами учащихся были оборудованы классной мебелью учебные помещения и шкафы для личных вещей²⁶. Починка и шитьё платья и белья являлась в большей или меньшей степени предметом ручного труда самих учащихся. Работала швейная мастерская (2 швейные машины, зав. – Екит. Серг. Лановская). Одеждой и обувью дорожили. Не у всех детей имелось даже по 2 комплекта нижнего белья. У 30% – по одному комплекту, так что когда это бельё стиралось, ребёнок должен был находиться в кровати под одеялом. Обувью обеспечены были не более 25% всех детей. Многие даже зимой вынуждены были носить сандалии и туфли. «Недостаточно напиганый, плохой одетый, иногда босой или в деревянных сандалиях, а летом почти сплошь без обуви, зимой трясутый от холода из-за отсутствия тёплой одежды, несущийся поэтому по коридорам и дворам гимназии не иначе, как бегом»²⁷, – таким был запечатлён облик гимназиста Шуменской гимназии в докладе А. Бейера на Совещании представителей русских учебных заведений в Болгарии в ноябре 1924 г. Стирка белья как казённого так и личного в гимназической прачечной производилась бесплатно. Проблемой были вши: «вшивый вопрос поставлен на широкую ногу»²⁸. Всех возвращавшихся перед началом учебного года в гимназию тщательно осматривали и стригли. Девочки особенно болезненно воспринимали необходимость расставаться с волосами.

С разрешения начальника гарнизона для гимназии были построены пекарня, сушильня и курятник (птиц на полтораста), а также было предложено разводить шелковичных червей, так как вблизи от гимназии имелась тутовая роща, принадлежавшая Окружному совету (болгарское земство)²⁹. Хорошим подспорьем в заготовке овощей и фруктов на зиму был гимназический сад и огород. Стоимость собранного в 1927 г. урожая составила 4338 левов³⁰.

В дневнике законоучителя А.П. Дехтерёва³¹ подробно описывается содержание праздничного стола, что свидетельствует о недостаточном питании, еда

представляла ценность, достойную подробного описания: «На Пасху каждый учащийся получил «по четверти небольшого кулича, по 2 яйца, по кусочку колбасы, сала, брынзы, по пирожку и по чашке сладкого чая с вином. Обед – зелёные щи с яйцом и котлеты с гарниром. Какао с куличом. Вечером каждый получил по яйцу и по 50 г колбасы»³². Праздничное угощение на выпускном вечере включало «ленивые щи с пирогом, свиной бигос с картофелем. Чай с пирожками. Вино, содовая вода, лимонад». В престоленные праздники хозяйственная часть гимназии баловала воспитанников «пирогом с бульоном к завтраку, зелёными щами (в декабре) и мясным блюдом к обеду». Участникам гимназического хора в качестве поощрения предлагался ужин и чай с вареньем и сладким пирогом³³. Вдоволь не ели даже хлеба, поэтому добавочная порция хлеба (100 г) трижды в неделю была привилегией участников гимназического оркестра.

Учащиеся не только учились и работали, обеспечивая материальную сторону своего существования, но и развлекались: ставили спектакли, комедии, водевили, музыкальные номера, каждую субботу после вечернего чая до 11 часов вечера устраивали танцевальные вечера. Учащиеся, получившие неудовлетворительные баллы в течение недели, на танцевальные вечера не допускались. Популярностью пользовались мелодраматические и музыкальные вечера. Была проведена музыкальная инсценировка «Курантов» поэта С.Ф. Сулина; в годовщину Галлиполийского сидения – 22 ноября 1927 г. – Галлиполийский вечер. Под аккомпанемент оркестра балалаечников (на мелодию «Коль славен») исполнили мелодраматическую «Сказание о Галлиполийском сидении». Специально к этому дню была сочинена элегия «Памяти умерших в Галлиполи», исполненная хором на мотив «Кудеяра»³⁴. Инсценировали «Бежин луг» Тургенева, репетировали «Недоросль» Фонвизина. Декорации к спектаклям изготавливали сами ученики.

Судя по записям гимназического журнала, учащиеся были отнюдь не ангелы, и взыскания и наказания были не редки. **Взыскания, налагаемые на учащихся**, состояли в следующем: замечания и выговоры, лишение отпуска сроком до 1 месяца. Наряды на внеочередные дежурства и работы (от 1 до 3 нарядов). Арест в дальней запертой комнате сроком от 1 до 3 дней с утра до вечера (карцер). Использование карцера как средства наказания и воспитания противоречило болгарскому просветительскому законодательству и послужило одним из поводов к закрытию гимназии в 1934 г.). Для учащихся младших и средних возрастов установлено взыскание – постановка на штраф в коридоре у кабинета директора на полчаса – 1 час.

Поводами для взысканий служило неисполнение правил гимназии, как то: уклонение от посещения классов, вечерних занятий, плохое поведение в классе, самовольные отлучки из расположения гимназии, дерзкое отношение к старшим, у младших – недопустимые шалости. Покидать гимназию (увольнение в отпуск) разрешалось строго в определённые часы: в учебное время

после 6 часов вечера, а в праздничные дни после обеда до 6 часов вечера. Самовольные выходы за ворота гимназии хотя бы на самое короткое время были нежелательны и строго наказывались. Так, отлучившиеся ученицы 6 кл. подверглись аресту в общегимназическом карцере в воскресенье с 11 часов дня до 18 вечера³⁵.

Большое количество взысканий А.А. Бейером объяснялось «неустойчивостью характера детского возраста и малым сознанием чувства долга старшими»³⁶. В докладе А. Бейера на Советании представителей русских учебных заведений в Болгарии в ноябре 1924 г. ничего не говорилось о пьянстве учащихся, сор из избы предпочитали не выносить, а между тем в журнале за 1925 г. перечислены все случаи нарушения дисциплины в гимназии, и пьянство занимает не последнее место. Подобные проступки служили предметом обсуждения на педагогическом совете. В соответствии с приказом директора гимназии А.А. Бейера и по решению педагогического совета ученик 5 класса Шуменской гимназии Евг. Волянец «уволен за неисправимое поведение вообще и в частности за последний его проступок, выразившийся в посещении ресторана и выпивке»³⁷.

Пьянство вызывало серьёзную озабоченность у руководства гимназии, поскольку подрывало престиж и авторитет русской гимназии, от этого зависело расположение болгар и та помощь, которую они так щедро оказывали русским беженцам.

Не случайно Болгарское Воздержительное содружество в сферу своей пропагандистской работы о преимуществе трезвого образа жизни включило Шуменскую гимназию. Доктор Блысков, закончивший медицинскую Академию в России и прекрасно владевший русским языком, в присутствии учеников болгарских прогимназий и представителей педагогического персонала в Шуменской гимназии прочитал лекцию «О разрушительном действии алкоголя на организм человека». Утверждение лектора о пьянстве в Добровольческой армии и бессилии генералов прекратить злоупотребление спиртными напитками вызвало негодование гимназистов, их национальные чувства были оскорблены, они заявили о своём желании довести до сведения лектора о его глубоком заблуждении³⁸. Стремление русских взглянуть лучше, особенно во мнении «чужих», говорит об их стремлении противостоять процессу ассимиляции.

О состоянии нравов в гимназии свидетельствует письменное распоряжение директора гимназии в связи с предстоящим концертом «Вечер славянской песни» известной певицы Э.К. Бородиной. Старшему воспитателю вменялось в обязанность внушить учащимся правила поведения во время концерта: мальчикам – не стучать ногами и не выкрикивать слов и фраз во время антрактов, старшим воспитанникам – не курить в задних рядах³⁹.

Моральное состояние учащихся – отношение к чужой, а также к казённой собственности были упрощены до крайности: утащить дрова, посуду, принадлежания гимназии, разломать поставленные в садах скамьи и столы, гимна-

зические приборы — не считалось предосудительным. Бороться с этим было трудно. Причину подобного поведения директор гимназии видел в недостатке домашнего воспитания из-за исковерканной семейной жизни⁴⁰. Уличённые в воровстве подлежали немедленному исключению. Так, решением педагогического совета Шуменской гимназии от 10 сентября 1925 ученик 6 класса Васильев Борис был исключён за воровство велосипеда. Велосипед, взятый с целью покататься у продавца магазина велосипедов Абаджиева, живущего в г. Шумен, он попытался продать, чтобы рассчитаться с долгами⁴¹.

Гимназия считалась общим домом, поэтому самым большим позором было уличение в краже гимназического имущества. Кухня и продуктовый склад не запирались. Директор считал, что молодёжь надо воспитывать, прощая её вину и ответственность. Каждый должен знать, что непринадлежавшую ему вещь брать нельзя⁴². Однажды была обнаружена пропажа хлеба в кладовой, виновенный в краже воспитанник 6 кл. Люминарский в наказание был отправлен в карцер, а затем педагогический совет большинством голосов исключил его из гимназии.

Гимназия жила вне города своей жизнью, но общения с местным населением не избегала. Часто проводились совместные выступления болгарских и русского гимназического хоров. Так, в честь освящения вновь построенной колокольни при церкви «Св. Вознесения» был дан концерт, в котором участвовали два болгарских хора и гимназический, исполнивший «Чертог твой» и «Слыши, отроковница». Хор болгарам очень понравился: «Мальк хор, но много мелодичен». Даже регент болгарского хора Симаков (русский беженец) признал превосходство гимназического хора и выразил ему свою похвалу⁴³. Болгары посещали домовую гимназическую церковь⁴⁴. Оркестр гимназии (руководитель и дирижёр Вяч. Петр. Кангутис) принимал участие в концертах, проводимых в болгарской читальне «Архангела Михаила»⁴⁵. 3 марта 1927 г. болгары были приглашены в церковь Св. Вознесения на празднование годовщины русско-турецкой войны и дня освобождения Болгарии. Была отслужена панихида по русским и болгарским воинам, погибшим в 1877–1878 гг. Для поминовения воинов было изготовлено более 1 тыс. блинов, повара не спали всю ночь⁴⁶.

Часто по приглашению болгар гимназический хор и оркестр (административный руководитель воспитатель 7 кл. Н.К. Румянцев) за небольшую плату участвовали в концертах благотворительных и частных дружества.

Болгарских детей приглашали в гимназию на новогодние праздники. Гостей одаривали игрушками, фруктами, конфетами, орехами. Средства для проведения праздника (в 1925 г. было роздано 65 подарков и 265 мешочков сластей на сумму 1919 левов) были сэкономлены в результате рационального ведения хозяйства⁴⁷. Однако педагог гимназии А.П. Дехтерёв отмечал «неслиянность» болгарских и русских детей. За время существования гимназии (запись в дневнике сделана в 1927 г.) ученики гимназии ни разу не были

приглашены в гости к болгарам, и болгарские дети не приходили в гости к русским мальчикам. Дехтерёв объясняет это тем, что дети очень остро чувствовали неравенство своего положения: болгарские дети-хозяева, а русские — «пришельцы, не гости, а именно пришельцы». «Возможно также, — писал он, — русские мальчики полностью удовлетворены своим домашним бытом и к общению не стремятся»⁴⁸.

Ставя целью сохранить «русскость», воспитывая чувство принадлежности к России, гимназия, с одной стороны, облегчала адаптацию, смягчала культурный шок, с другой стороны — способствовала росту национального самосознания, обостряла чувство национальной идентичности, и тем самым затрудняла вхождение в инокультурную среду.

Несмотря на скудные помещения интернатов, недостаток белья, обуви, платья, питания, а также на необходимость подчиняться правилам гимназии, подчас неприятным, учащиеся относились к ней с большой любовью, считая её своей родной семьёй. Доказательства — письма окончивших гимназию и их посещения гимназии по каким-либо торжественным случаям. Учащиеся, предельно выходя по условиям интернатской жизни тесную сплочённую семью, не тяготились этой жизнью, дорожили своим пребыванием в гимназии и боялись исключения из неё, чувствуя, что они в последнем случае теряют то, чего они были лишены, эмигрировав из России: семью, учение и обеспеченную жизнь. Привычка подчиняться всем правилам гимназии вырабатывала волю и дисциплинировала характер, развивала чувство товарищества и взаимной поддержки.

Шуменская гимназия просуществовала до 1934 г., успев выпустить несколько поколений эмигрантов-абитуриентов.

The main task of the education of emigrants' children was the preservation of their national identity, so that they could use their knowledge, if they would return to Russia. Only the Russian School abroad was able to fulfill this task. The highly qualified pedagogical staff of the gymnasium in the town of Shumen (Bulgaria) could facilitate the solution of the problem of the socialization of the young refugee generation in foreign cultural environment.

¹ Цит. по Адамович, Г. Владимир Набоков. // Адамович, Г. Одиночество и свобода. М.: Республика. 1986. С. 22.

² Щербатов, А., Л. Криворучкина-Щербатова. Право на прошлое. М., 2005. С. 113.

³ Владимир Брониславович Сосинский (Владимир Бронислав Рейнгольд Брониславович Сосинский-Семихат) (1900, Луганск — 1987, Москва) В 1918 году призван в Белую армию, воевал, был ранен в грудь на вылет и награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом Врангелем. С 1920 г. в эмиграции. Закончил гимназию в Шумене (1923 г.). Стипендиат проф. Д. Уиттимора. Учился в университете в Берлине С 1924 г. в Париже. Активно печатался в русских журналах. Участник французского Сопротивления. В 1960 г. вернулся в Советский Союз.

⁴ ГАРФ Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 42 об.

⁵ Бейер, Анатолий Аполлонович (10.11.1875–06.04.1938) выпускник Михайловского

Артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник гражданской войны, директор гимназии в Шумене (1923–1928), уехал в Парагвай, где жил его приятель, друг президента этой страны. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Участвовал в войне с Боливией, в результате которой Парагвай присоединил огромную боливийскую территорию Гран-Чако. Бывший директор получил звание героя Парагвая, где ему установлен памятник. // *Щербатов, А., Л. Криворучкина-Щербатова*. Право на прошлое. М. 2005. С. 113.

⁶ Из неопубликованных воспоминаний В.Б. Сосинского-Семихата, любезно предоставленных автору Ф. Хадоновой.

⁷ Г. Газданов (1903, Петербург – 1971, Мюнхен) – писатель, автор 13 романов, литературный критик. В 1919 г., не закончив гимназии, вступил в Добровольческую армию. В эмиграции с 1920 г. (Галлиполи, Константинополь, Шумен, Париж). В 1923 г. разгружал баржи в Сен-Дени, работал на автомобильном заводе. С середины 20-х годов для Газданова открывается писательская стезя, обращается к раннему военному опыту. В 1928–1952 гг. работал ночным таксистом. Участник французского Сопротивления.

⁸ *Газданов, Г. А. А. Бейер*. Некролог. // Собр. соч. в 5 томах. Т. 1. Москва. Эллис Лак. 2009. С. 757–760.

⁹ В решении второго Совещания представителей русских учебных заведений в Болгарии, состоявшемся в Софии 12–14 ноября 1924г., было записано о необходимости срочно ассигновать средства (до 5 тыс фр. франков) на ремонт здания Шуменской гимназии. // ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 9.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 120.

¹¹ Георги Димитров Цветинов – член Комитета русских беженцев, зав. Отделом вероисповеданий Министерства иностранных дел Болгарии.

¹² Американский проф. Томас Уиттимор, уверовавший в великое будущее русской культуры, духовная мощь которой базировалась на признании приоритета нематериальных ценностей, учредил стипендии для русских студентов. В духовности русской культуры он видел её уникальность, которая могла погибнуть в результате тяжёлых испытаний, выпавших на долю России, когда русский человек был поставлен в условия физического выживания. Вынужденный прагматизм и утилитаризм русских в Советской России, по его мнению, подорвал уникальность русской культуры, возродить которую должна эмигрантская молодёжь. С этой целью он ежегодно предоставлял стипендии лучшим выпускникам гимназий, при условии, что они, получив образование, вернутся в Россию.

¹³ Из неопубликованных воспоминаний В.Б. Сосинского, любезно предоставленных автору Ф. Хадоновой.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 9.

¹⁵ Газданов, Г. Указ. соч., с. 759.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6089. Оп. 1. Ед. хр. 1–17.

¹⁷ *Димитров, Э.* Русская эмиграция в Шумене. // Русское зарубежье в Болгарии. История и современность. София 2009. С. 126.

¹⁸ *Малышева, И.* Русские дети в эмиграции. // Современная женщина. Берлин. 1932. № 1. С. 2.

¹⁹ *Кёсева, Ц.* Русские школы в Болгарии. // Русское Зарубежье в Болгарии. История и современность. София. 2009. С. 66.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 34. Л. 43.

²¹ Дети эмиграции. М. 2001. С. 162

²² Пётр Константинович Дылёв (1888 – ум. Женваль ок. Ватерлоо 1978 г.) В 1922–1923 гг. – врач Шуменской гимназии. 1923–1925 гг. – в Париже, 1925–1960 гг. – в Конго. На заработанные в Африке деньги выплачивал стипендии выпускникам Шуменской гимназии. Во время войны участвовал в английском экспедиционном корпусе, оказавшемся в Африке против гитлеровского генерала Роммеля. Некоторые африканские экспонаты кунсткамеры были присланы музею как самим Петром Константиновичем, так и его сотрудниками и друзьями.

²³ Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л.21 об. Обзор русского учебного дела и сведения о русских учебных заведениях в Болгарии. София. 1923.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 46. Переписка с директором Шуменской русской гимназии (Бейер А.) о приёме и исключении учащихся. О педагогическом составе, оказании материальной помощи учащимся и по разным хозяйственным вопросам. Начата 24 дек 1924 г., окончена 4 декабря 1925 г.

²⁵ ГАРФ. Ф. 6277. Оп. 1. Д. 3. Л.51. Письма Николая Коринского-Коркина воспитателю Шуменской гимназии Ридигер Нине Дмитриевне.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 46.

²⁷ Там же. Ед. хр. 34. Л. 42.

²⁸ Там же. Ед. хр. 49. Л. 43.

²⁹ ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 120. Дневник А.П. Дехтерёва 1926–1927 гг.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 180.

³¹ Дехтерёв, А.П. (1889–1959) – педагог, прозаик, журналист, церковный деятель. В эмиграции с 1920 г. Воспитатель Галлиполийской гимназии (1920–1923), сотрудник отдела школьного воспитания русских детей в Болгарии (1924–1934), заведующий детским домом (Лясковец, Тырново, Шумен). Постриг в обители преподобного Иова в Словакии (1935), Иеромонах, настоятель Храма-памятника русским воинам в Ужгороде (1938), Настоятель церкви в Александрии (1940–1949), советское гражданство (1946), возвращение в СССР (1949), библиотекарь Троице-Сергиевой лавры, епископ Пряшевский (Чехословакия, 1950–1955), временный управляющий Виленской и Литовской епархий (ноябрь 1955 – апрель 1959). // *Бахметьева, Ел.* Три ипостаси Александра Дехтерева. Вильнюс, 1993, № 7 (126), с. 123–138.

³² ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 134.

³³ Там же. Л. 26.

³⁴ ГА РФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 279.

³⁵ Там же. Л. 138.

³⁶ Там же. Ед. хр. 32. Л. 135 об., 136.

³⁷ ГА РФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 8.

³⁸ ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 116.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 144.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 49. Л. 95.

⁴² ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁴³ ГА РФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 274.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 26.

⁴⁵ Там же. Л. 95.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 105.

⁴⁷ Там же. Л. 37.

⁴⁸ Там же. Л. 122.